DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.02

УДК 94(571.120)(092)

ОТ ЭГО-ДОКУМЕНТА НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ К УНИВЕРСАЛИЯМ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ: ИСТОРИЯ АНДРЕЯ АРЖИЛОВСКОГО

Н.А. Никулина, В.Я. Темплинг

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Тюменский научный центр, Тюмень, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 26 августа 2019 г.
Принята: 17 сентября 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

историческая память, эго-документ, дневник, метафора разорванности, мировоззренческий слом, культурная революция, идеологическая матрица.

АННОТАЦИЯ

Предлагается результат осмысления феномена исторической памяти в перспективе конкретной биографии человека, не сумевшего вписать свои представления о мире в идеологическую матрицу советской России. История Андрея Степановича Аржиловского (1885–1937) – типичный, но от этого не менее трагичный, пример судьбы человека, сформировавшегося как личность в дореволюционную эпоху, но в период постреволюционных преобразований оказавшегося в числе врагов народа. В 1920 году он был осужден в первый раз за участие в работе земского совета при Колчаке, а в 1929 году как мироед. В период жизни на свободе (после семи лет лагерей) – чуть более года – вел дневник, фиксируя там бытовые наблюдения, переживания относительно воспитания детей, сомнения по поводу нового установившегося в стране уклада жизни. Одна из важных тем этого дневника – тема памяти, представленная образами и мотивами, отсылающими как к российской действительности начала XX века, так и к реалиям нашей современной жизни. Именно память стала основанием стратегии выживания человека, который после освобождения из лагерей был вынужден собирать свою разорванную биографию из воспоминаний о прошлом и свидетельств по поводу происходящего с ним, с его семьей и страной в период культурной революции. Литературный талант позволил Аржиловскому воплотить на страницах дневника некоторые истории из жизни своих современников, которые позволяют нам реконструировать мировоззренческие установки людей, не всегда согласных с преобразованиями, происходящими в России. Сопоставляя уклад текущей советской жизни с дореволюционным, автор дневника пишет не только о различиях, но и сходстве, поскольку при любом государственном устройстве существуют пошлость, лицемерие, ограниченность, а живая мысль подвергается критике и даже наказанию. Личный дневник и воспоминания о лагерной жизни составили основу последнего обвинительного приговора: в сентябре 1937 году его жизнь оборвалась в застенках НКВД. История жизни и личный дневник Андрея Степановича Аржиловского позволили выйти сегодня к осмыслению универсальных метафор российской жизни и пониманию того, что мифологизация прошлого является результатом научной и обывательской отстраненности от событий, происходящих в завершённые исторические эпохи.

© ПНИПУ

© Никулина Надежда Александровна – кандидат филологических наук, доцент;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1953-1587>, e-mail: nadya-nika2006@yandex.ru.

© Темплинг Владимир Яковлевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7839-1940>, e-mail: tmp1@mail.ru.

© Nadezhda A. Nikulina – PhD, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1953-1587>,

e-mail: nadya-nika2006@yandex.ru.

© Vladimir Ia. Templing – PhD, Senior Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7839-1940>,

e-mail: tmp1@mail.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

FROM EGO-DOCUMENT OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY TO THE UNIVERSALS OF RUSSIAN LIFE: LIFE STORY OF ANDREW ARZHILOVSKIY

N.A. Nikulina, V.Ia. Templing

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 26 August 2019
Accepted: 17 September 2019
Published: 04 October 2019

Keywords:

historical memory, ego-document, diary, metaphor of discontinuity, ideological scrapping, cultural revolution, ideological matrix.

ABSTRACT

The article proposes the result of understanding the phenomenon of historical memory in the perspective of a specific biography of a person who failed to fit his ideas about the world into the ideological matrix of Soviet Russia. The story of Andrei Stepanovich Arzhilovskiy (1885–1937) – typical, but no less tragic example of man's destiny. Arzhilovskiy emerged as a personality in pre-revolutionary era, but during the post-revolutionary reforms were among the enemies of the people. It was in 1920 when he was convicted for the first time for participating in the Zemstvo Council work under Kolchak, and in 1929 as a mired (bloodsucker). After seven years in the prison camps Arzhilovskiy was released for just over a year. He kept a diary, recording everyday observations, experiences regarding the raising of children, concerns about the new repressive way of life in the country. One of the most important themes of this diary is the theme of memory, represented by images and motifs that refer both to the Russian reality of the early twentieth century and to the realities of our modern life. It was memory that became the basis of human survival strategy after the release from prison camps. He was forced to collect his torn biography from memories of the past and testimonies about what happened to him, his family and the country during the cultural revolution. Literary talent allowed Arzhilovsky to embody in his diaries some stories from the life of his contemporaries. These stories enable us to reconstruct the worldview of people who do not always agree with the changes taking place in Russia. Comparing the way of current Soviet life with pre-revolutionary one, the author of the diary writes not only about the differences, but also similarities. Arzhilovskiy emphasizes that in any polity thrive vulgarity, hypocrisy, narrow-mindedness, and the living the idea has been criticized and even punished. Arzhilovskiy's personal diary and memories of camp life formed the legal basis of his last conviction. In September 1937, his life was cut short in the dungeons of the NKVD. Life story and personal diary of Andrei Stepanovich Arzhilovskiy allowed to comprehend the universal metaphor of Russian life. They helped to understand that the mythologization of the past is the result of scientific and Philistine detachment from the events taking place in the completed historical era.

© PNRPU

Полноценное осмысление прошлого не может быть обеспечено в должной мере ни мемуаристикой выдающихся деятелей, ни усилиями ученых, раскрывающих факты удаленного от нас прошлого в формате учебников, ни информационными площадками в интернете, представляющими (порой скандальные) материалы, из которых складывается наша история. В этом отношении особую функцию выполняет историческая память народа, воплощенная в письмах, дневниках, путевых записках, что хранятся в семейных архивах, опыт знакомства с которыми сопряжен с рядом проблем. Одна из таких – представление о том, что страницы, написанные когда-то, отражают реалии сугубо той жизни, отличной от сегодняшней, поскольку современность лишена катаклизмов былого масштаба, нет того накала страстей и той энергии выживания, что характеризовали жизнь общества в переломные эпохи. Но прошлое, как и будущее, свершается и сейчас.

В небольшой работе, посвященной представлениям сибирских крестьян об окружающем мире и своем труде, увидевшей свет еще на заре «историографической революции» (конец XX века), В.М. Суринов высказал мысль о том, что «в нашем быстроменяющемся мире, и далеко не всегда в лучшую сторону, как никогда велика цена “прочной реальности”, которая возникает тогда, когда прошлое становится частью настоящего, когда возникают черты, их объединяющие и роднящие. Только это и может исключить идеализацию будущего, которая в определенных ситуациях может оказаться гораздо опаснее идеализации прошлого» [1, с. 5]. Именно идеализация и мифологизация прошлого часто становятся основанием утраты акту-

альных связей, необходимых современному человеку для упрочнения в сегодняшнем дне и для нравственного существования в условиях текущей реальности. Преимущественно речь идет об эпохах, которые можно условно считать «завершенными», представление о которых складывается на основе книг, телевидения, интернета, а не свидетельств очевидцев.

Особенностью исторической памяти народа является ее привязка к индивидуальному опыту, который часто маркируется как семейный и даже личный, имеющий отношение к судьбам потомков конкретных людей. Такая причастность к фактам прошлого уже не позволяет людям смотреть на события, оставшиеся за спиной, под углом «это происходит не с нами, это было раньше». Практика прописывания сюжетов жизни людей на основе эго-документов позволяет сегодня исследователям выйти к интерпретации универсалий жизни человека в российском обществе, которые важны здесь и сейчас, от которых зависит наше будущее.

Примечательно, что в описаниях многих человеческих судеб XX столетия сквозным мотивом является именно метафора разорванности, свидетельствующая о первичности мировоззренческих катастроф, за которыми следуют аресты, расстрелы, в лучшем случае эмиграция, в основе которых способность или неспособность конкретных людей вписаться в предлагаемую системой идеологическую матрицу. При этом сама матрица характеризуется высокой степенью нестабильности, порой она только складывается, но система готова жестоко наказывать всех тех, кто оказывается на периферии ее интересов, особенно в кризисные периоды истории.

Судьба Андрея Степановича Аржиловского (1885–1937) – типичный, но от этого не менее трагичный пример судьбы человека, сформировавшегося как личность в дореволюционную эпоху и не сумевшего вписаться в новую систему. Он был ярким представителем крестьянской интеллигенции периода поздней империи. Его служебная карьера не поднялась выше должности волостного писаря, но круг интересов не ограничивался исключительно добытанием пропитания. Занимаясь делами волостного делопроизводства, он одновременно писал корреспонденции и фельетоны в местные газеты, записывал фольклор и описывал народные обычаи и обряды, поставлял материалы известному тюменскому собирателю П.А. Городцову. Творческая личность, Аржиловский остро воспринимал несправедливость, не терпел беспорядка в делах и, главное, не молчал об этом. По-видимому, скептически восприняв революционные события 1917–1918 годов, он пытался переждать бурю и неустройство на земле, вернувшись к исконному своему занятию. Однако помимо своей воли он был выбран в уездное земство, чем и запятнал себя перед советской властью. В 1920 году он был осужден первый раз за участие в работе контрреволюционных органов. Амнистированный в 1922 году, в 1929 году он был осужден второй раз как мироед, а семья раскулачена. Пребывание на свободе после семи лет отсидки в лагерях было совсем кратким – чуть более года. В сентябре 1937 году его жизнь оборвется в застенках НКВД [2]. При аресте был изъят обширный архив рукописей, которые частично сохранились.

Впервые фрагменты дневниковых текстов А.С. Аржиловского увидели свет в 1989 году в двух июньских номерах газеты «Тюменский комсомолец» [3]. То был период шокирующих откровений, когда на отечественного читателя информация из прошлого обрушилась лавиной фактов и имен. Наверное, поэтому столь яркая публикация необычного дневника осталась незамеченной историками. В 1992 году К.Я. Лагунов опубликовал дневник в журнале «Урал» [4]¹. Примерно в это же время при посредничестве Н.М. Корневской фотокопии дневника оказались в США и там стали частью большого международного проекта по популяризации советских

¹ К сожалению, отсутствие идентификаторов в виде названия архива, номера фонда, описи, дела и листов затрудняют соотнесение опубликованных текстов с сохранившимися оригиналами.

дневников 1930-х годов, реализованного в 1995 году [5]². В 1999 году А.А. Петрушин воспроизвел текст газетной статьи 1989 года в отдельном издании [6]. Аржиловский является автором нескольких обращений к власти, относящихся к 1920 году. Часть из них опубликована [7, с. 288–293, 296–299, 309–311]. Его воспоминания о семилетнем пребывании в лагере были опубликованы в 2018 году [8]. Оригинал дневника хранится в архиве социально-политической истории Тюменской области [9].

В настоящее время дневниковые записи А. Аржиловского вошли в источниковедческую базу нескольких исследований. В частности, в работе И. Паперно материал Аржиловского стал основанием для осмысления актуальных фактов и мифологем в современных реконструкциях истории сталинизма [10]. Как важный источник по повседневной истории советского общества дневник рассматривается С.И. Быковой [11].

Следует сказать, что широкий доступ к дневниковым записям советского времени и особенно 1920–1950-х годов вызвал к жизни новый виток дискуссий о советской культурной революции и ее продукте – человеке новой формации, строителе социализма, а также о жертвах этой революции, что в значительной степени способствовало актуализации конкретных фактов прошлого в системе ценностей уже современной действительности. При этом наметились новые тенденции, указывающие на связь науки и действующих ныне парадигм социальных отношений.

Интересными, на наш взгляд, являются исследования, авторы которых обнаруживают на страницах дневников напряженную внутреннюю борьбу человека по переделыванию самого себя, стремящегося соответствовать пропагандируемому идеологией образцу. Именно анализу таких дневников посвящает одну из последних книг Й. Хелльбек, убедительно разворачивая идею популярности дневника как формы индивидуальной рефлексии, обусловленной «стремлением большевиков не только создать новый мир», но и стремлением «превратить людей в политически сознательных граждан» [12, с. 21]. По мнению исследователя, людям предлагалась модель письма, способствующая их превращению в сознательных граждан новой страны, одновременно приобщающая к писательству тех, кто никогда раньше не писал, т.е. рядовых свидетелей истории. Таким человеком является и Сергей Чертищев, чьи путевые заметки о советском Севере могут быть презентованы как опыт осмысления жизни (30-е годы XX в.) от лица человека, который по своему складу сформировался в соответствии с требованиями идеологии, вписался в матрицу, предлагаемую системой, и как результат – прожил вполне благополучную жизнь не-жертвы [13, 14].

В последние годы все чаще появляются исследования, посвященные анализу стратегий выживания людей в переломные эпохи, в которых личные истории трактуются под углом поиска компромиссов, а сами авторы полагают, что «советская культурная революция захлебнулась» в традиционном мироощущении русского народа, что эта идея оказалась нежизнеспособной. Так, анализируя дневниковые записи 1940–1950-х годов представителя рабочей элиты А.И. Дмитриева, О.Л. Лейбович говорит о нем как о советском человеке не только по образованию, роду занятий и литературным амбициям, но и «по умению жить в новом обществе, использовать “до упора” доступные ресурсы, находить укромные места, куда не дотянутся контролирующие органы, завязывать и вовремя развязывать так необходимые для решения житейских задач социальные связи». Более того, в обаятельных чертах советского мастерового, который «себе на уме, знающий цену копейке, лукавого с начальством, тороватого с товарищами, пьющего, но умеющего обустроить свой быт, с крестьянской смекалкой и тягой к инте-

² В 1997 году вышло второе издание сборника.

ресной книжке, верующего, но без особого усердия», О. Лейбович видит реставрацию мещанской культуры, приспособленную к тыловой военной среде и послевоенным реалиям [15, с. 128–129]. В умении автора другого дневника С. Подлубного совмещать в себе почти взаимоисключающие идентичности-маски: советского человека, скрывающегося кулака, секретного агента и информатора НКВД М. Липовецкий видит элементы трикстерства [16]. Такие научные факты и исследования ярко демонстрируют жизнеспособность компромиссных стратегий выживания в условиях тоталитарного государства и одновременно разоблачают их.

В истории Андрея Степановича Аржиловского открывается возможность увидеть опыт жизни человека, имеющего писательский дар и одновременно не способного к притворству, к компромиссу, т.е. наделенного особой неспособностью вписываться в стремительно меняющиеся условия жизни, готового до конца стоять на позициях здравого смысла.

Дневник Андрей Степанович пишет не по указке системы, а по привычке, которая сформировалась в течение жизни. «В силу старой привычки – не могу себе отказать в зарисовывании мыслей и переживаний» [9, л. 16]³. Но суть этой привычки состоит не в чистой тяге к сочинительству, а в стремлении сохранить в памяти то, что забывать не хочется, что должно остаться для себя в качестве свидетельства существования. «На обрывках после бури хочется кой что восстановить в памяти и зарисовать то, что успею». Еще более конкретная сознательная установка на записывание и воспоминание звучит в начале записок, которые Аржиловский вел параллельно с дневником и которым дал характерное название «Голос бывшего человека». На первой странице тетради читаем: «Через 7 лет тюремно-лагерной изоляции хочу попробовать заговорить тем голосом, который у меня остался после пеллагры и лагерей. Я свободен. Мне только 51 год. Хочу записать все, что запросится на бумагу и что лежит наверху памяти. И просто так, чтобы не разучиться мыслить и писать» [8, с. 205].

Автор этого личного дневника неоднократно объясняет окружающим причину того, почему он, усталый от работы и загнанный обстоятельствами в условия, отличные от тех, что характеризовали его бытовую жизнь до ареста и лагерей, записывает свои мысли в тетради. Так, на вопрос сына: «Для чего ты, папа, пишешь это?» – он отвечает: «Для того чтобы не забыть» и прописывает этот значимый для него обмен репликами в дневник [от 8 февраля 1937 г.].

Историческая память народа – одна из важных тем Аржиловского, который большую часть времени тратит на выживание в условиях бытовой неустроенности, семейного разлада, на фоне попыток каким-то образом вписаться в матрицу окружающей жизни. Для человека, вернувшегося из лагеря, адаптация в преобразившемся мире советской действительности (на дворе 1936 год) – крайне сложная задача, но писательство способствует выживанию, а стремление ничего не забыть и понять превращается в важный фактор существования. Среди описаний бытовых событий дня нередко в дневнике встречаются лирические отступления, отсылающие к образам и мотивам памяти: «Сию минуту думал о том, как бешено идет время. И особенно нынче. Маятник наших ходиков с ума сошел: так и бежит, точно на базар за дешевой картошкой. *Раньше и маятник часовой важничал*⁴... Все по иному» [от 31 октября 1936 г.].

Сравнивая события текущей жизни с теми, что характеризовали уклад прежних лет, Аржиловский нередко превращается в остроумного сатирика. Так, в записях от 7 ноября читаем:

³ Ссылки на текст дневника даются по архивному оригиналу. В ссылках указываются не листы дела, а день, в который была сделана запись. Это упростит знакомство читателя с дневником, который размещен в сети интернет здесь: <http://prozhitto.org/person/248>. В основе сетевой публикации лежит журнальный вариант дневника [4].

⁴ Фрагменты текста, передаваемые курсивом, в оригинальном тексте выделены подчеркиванием – плод работы следователей.

«Празднуем. Первый раз за 7 лет праздную среди свободных граждан. Получил приглашенный билет от завода на торжественное заседание. В 5 часов иду. Уютная столовая завода с крохотным красным уголком для президиума. Музыканты пришли аккуратно. Собралось десятка два ребятишек; пришла небольшая кучка работников и 5 человек рабочих. Появились распорядители и занялись украшением столовой. Между прочим, *портреты вождей теперь устроены наподобие прежних икон: круглый портрет вделан в рамку и укреплен к палке. Очень удобно: на плечо и пошел.* И вся эта подготовка весьма напоминает подготовку к прежним церковным торжествам...» [от 7 ноября 1936 г.]. Есть в дневнике упоминания и о других праздниках, еще более актуальные для современного читателя: «В этом году чествуют Пушкина, – столетие со дня смерти Пушкина советская власть считает своим... Да, человек любил свободу; но любил и родную страну, был глубоко национальным, патриотом. Крепостное право не любил, покойный. Достоевский тоже считал Пушкина своим; а уж Достоевского Советская власть не любит...» [от 16 февраля 1937 г.]. Такие свидетельства – дополнительный посыл к универсалиям жизни, из которых складывается жизнь обычного человека во все времена: праздники, будни, ритуалы, книги.

Значительную часть всех дневниковых свидетельств составляют самые заурядные свидетельства о погоде, о доходе семьи, о еде и т.д. Так, например, в череду размышлений о личном опыте писательства автор дневника вставляет факты текущего порядка: «Служу счетоводом при заводской конторе; зарабатываю 150 р. в месяц. В переводе на хлеб это выходит: $150:90 = 166,5$ кг., или $16\frac{1}{2}$ пудов. По прежнему всего на 8 р. Ну, да Лиза – моя не стареющая жена – прирабатывает руб. на 200. И живем не сыто, но и не голодно» [от 28 октября 1936 г.]. Нередко в таких фрагментах звучат ноты критики настоящего, обусловленные новым экономическим порядком и социальным статусом семьи: «Ходил в город за тестом. Если раньше горожанин выходил на рынок раз в неделю, то теперь он бежит за хлебом ежедневно. К очередям так привыкли, что иную жизнь не могут себе и представить. <...> Едим суп из голов, да еще считаем это роскошью» [от 29 октября 1936 г.].

Следует сказать, что тема еды присутствует во многих эго-документах людей советского периода российской истории, что обусловлено тем, что качество пропитания во все времена являлось своеобразным маркером уровня жизни, а в кризисные эпохи – фактором выживания. Почти каждая третья дневниковая запись содержит упоминания о еде и погоде, но иногда А.С. Аржиловский и через эти будничные темы выходит к описанию более глобальных реалий текущей жизни: «Время так здорово шагает, что хоть держи его за хвост. После морозов потеплело. Вчера стоял в очередь за...брюшиной, но не хватило, трудящиеся разобрали... Человек в нашей стране дышит свободно, но и голодает тоже свободно, – в этом ему никто не мешает. Голодает и мерзнет» [от 11 декабря 1936 г.]. Еда, сытая или голодная жизнь превращаются в иронических свидетельствах автора дневника в своеобразные критерии иерархии общества: «На конторских ужинах бывают заводские чиновники. Замечательно все здоровые, сытые люди. Есть на кого надеяться советской власти. Соль земли с самоуверенностью и жировым запасом» [от 12 января 1937 г.]. Подобные ироничные высказывания звучит крайне универсально: вполне могут быть вырваны из контекста далеких событий и приложены в качестве описаний к картинкам сегодняшних собраний и презентаций.

Безобидные на первый взгляд описания погоды, представленные почти на каждой странице дневника Аржиловского, часто обрастают фактами и умозаключениями, намекающими на нужду человека, на обстоятельства разрыва биографии, на выход из потока привычной жизни. Следует отметить, что тема природы проникает в эго-документы по нескольким при-

чинам, но одна из основных – это привязанность уклада жизни людей, работающих на земле, к изменениям погодных условий, где календарным циклом определяется время для работы и отдыха, для праздника и для ограничений. В дневнике Аржиловского погода фиксируется постоянно, нередко становится опорой в размышлениях о бытовых проблемах, изменениях жизни в целом: «Сегодня подстыло основательно и дует сногшибательный ветер. Усиленно топим печи: наша хата все-таки не так уже тепла, как бы нам хотелось. С севера ползут довольно темные тучи и пытается сыпать снег; но как будто это еще не зима» [от 18 ноября 1936 г.]; «Погода потеплела; днем стало притаивать. Полнолуние. Луна всем хороша, но при ней плохо дрова воровать: видно далеко и поневоле трусишь» [от 23 февраля 1937 г.]; «Весна идет своим порядком: грязь, вода, тепло и снег. Сегодня, например, подстыло хорошо. <...> Как то тревожно на душе. Трудно беднякам в плохую погоду» [от 4 апреля 1937 г.].

Поскольку стиль письма всегда содержит следы личной биографии человека, то и описанию эго-документов неизбежно сопутствуют комментарии относительно увлечений, занятий их авторов. Главным увлечением Аржиловского как до революции, так и в период ссылки было писательство, включающее остроумные фельетоны, направленные на критику пороков и фактов несправедливого отношения власти к человеку. Вне зависимости от идеологии государства и места существования он продолжает оставаться фельетонистом, для которого правдивое слово – способ мысли и даже способ выживания. Пытаясь молчать в формате общественном, он пишет в своем дневнике о недостатках на заводе, в городе, в стране: «На обломках прошлого люди осваивают настоящее. На заводе, где я работаю, есть грешки и довольно приличные: *тащат социалистическую собственность*» [от 30 октября 1936 г.]; «Мельком присматриваясь к хозяйству завода, вижу массу злоупотреблений, небрежной халатности, вообще всего того, за что посылают в лагеря; в силу старой привычки – хочется кричать «Грабят!», хочется профельетонить всех этих милых друзей, разжиревших у народного богатства; на горьком опыте научен я, что все эти разоблачения кончаются печально для публициста» [от 1 декабря 1936 г.]; «Думал о новой конституции, так нашумевшей на весь земной шар. А в чем дело? Какая собственно разница? Одна вывеска. Как было, так и будет. Хотя и тайно, но все равно единогласно. Живем среди изгнанных кулаков в кавычках. Перемены никакой: считают их полукрепостными, комендант командует, воспитатель покрикивает, председатель считает вправе стращать Севером. Нет, товарищи, трещину великую в русской земле никакой конституцией не замажешь и власти из рук завоевателя не выпустят... Слова и разговоры. Конец не в этом» [от 1 февраля 1937 г.].

В опыте А.С. Аржиловского дневник превращается в отдушину, в пространство осмысления происходящих перемен, в способ пережить разлад в обстоятельствах и разлом в собственной биографии, поскольку ему, вернувшемуся из лагерей к обычной жизни, приходится сложнее многих его соотечественников. И на страницы дневника проникают мысли об отношении общества к бывшим заключенным, о праве руководителей запугивать людей самой возможностью выпасть из системы, стать ее врагом.

Дополнительным свидетельством разорванности этой конкретной истории жизни является мотив разлада в семье, оторванности от детей, сквозной в дневниковых записках. Со смирением и даже некоторой обреченностью автор рассказывает о конфликтах с детьми, жалуется на их немногословность, закрытость, отчужденность: «Скандалю с семьей о порядке жизни: добиваюсь, чтобы ребята вели дневники, что бы вещи знали свое место; но пока ни того, ни другого добиться не могу. Удивительно неразговорчивые ребята: Геннадий вчера ушел молча и пришел молча. К лучшему это или к худшему? О чем и как они думают?»

[от 7 января 1937 г.]; «Молчание ребят, самоуглубление, как то тяготит меня: неужели не о чем поговорить?» [от 21 февраля 1937 г.]; «Мое влияние их мало пробирает. Или у них какие-то свои мысли, своя жизнь, или они идут за матерью, которая ни зачем не идет, а просто шлепает» [от 10 марта 1937 г.]. Вместе с тем Аржиловский постоянно жалеет детей, объясняя особенности их поведения обстоятельствами жизни семьи, разрывом отношений с ним, отцом семейства, на долгие 7 лет: «Измученная нуждой и условиями изгнания, разве может легко и радостно смотреть на жизнь? А потом: разве не естественно то, что ребенок отвык от меня за семь длинных лет? И разве не может ее отталкивать от меня то, что пришел какой то скелетообразный человек и ворчит?» [от 15 января 1937 г.]; «На ребятах моих и даже Лизе лежит печать обиды, изгнания, голода. Упадочность, таким образом, естественная» [от 23 ноября 1936 г.]; «Галину браню за неровность характера и споры, а на самом деле глубоко жаль ребенка: она иногда напоминает мне захудалого, забитого зверька. На ней как-то особенно отразилось пережитое: и голод, и холод, и гнет изгнания. Все эти годы оставили в семье тяжелый, неизгладимый след – след обиды, нужды, угнетения» [от 1 февраля 1937 г.]; «Они пережили муки и обиду изгнания, пухли от голода, мерзли из за плохой одежки, собственно говоря и теперь живут впроголодь, а я еще кричу на них. Стыдно и горько: зачем не подумать прежде, чем обидеть тихих детей?» [от 20 марта 1937 г.].

Автор дневника, тяжело переживая разлад с детьми, испытывает вину за происходящее с семьей, замечает на лицах родных людей следы прошлой беды (арест, отсутствие кормильца, унижения и нищета), объясняя их поведение пережитым горем. Провал в коммуникациях между поколениями советского общества (в частности, сидевшими и не сидевшими в лагерях) стал темой специального исследования А. Эткинда, по мнению которого в XX веке в России сформировались особые и одновременно типичные для разных частей общества реакции на трагические события прошлого [17]. Таким образом, вечная и универсальная для мировой культуры проблема отцов и детей обрела в контексте российской истории специфическое звучание, обрела связь с исторической памятью поколений и народа в целом.

Андрей Степанович Аржиловский, перебирая в своих записях детали бытовой жизни, часто размышляет о способности людей привыкать к любым условиям, но именно память становится фактором, препятствующим привыканию. Запись от 2 февраля 1937 года: «Быстро время идет. Теперь часто кажется, что никогда я в лагере и не был, что просто сон снился; а между тем... Воображаю, как счастливые лагерники теперь торчат на разводе. Пробую иногда читать, но как-то плохо читается: советская литература изображает жизнь с лицевой стороны и поэтому не приковывает к себе» [от 2 февраля 1937 г.]. В этих строках просматривается важный намек на то, что некий конфликт между памятью и восприятием текущих фактов может быть уменьшен и даже снят за счет письма и чтения правдивых книг, в результате подбора нужных слов. Почти строкой из реквиема звучат некоторые записи. После Рождества, которое не отмечалось в семье Аржиловских по причине нищеты, автор дневника сделает следующую запись: «Все это мы стараемся вытравить, уничтожить самое воспоминание о прекрасном, далеком. Разрушили храмы, каленым железом выжгли идею. Но... стало ли от этого лучше? Сильно сомневаюсь. Сегодня – день ангела папаше. Как жаль, что нет этого милого старичка! Какая Великая тайна – жизнь! И как будто такая простая штука – человеческий механизм» [от 9 января 1937 г.].

За полтора месяца до ареста А.С. Аржиловский напишет в своем дневнике важные и понятные многим людям строки о быстротечности времени и о возможности жить при любых обстоятельствах: «Время-то как летит! Иногда даже жутко становится. А ведь мы и действи-

тельно всегда летим. Летим и живем. Бабочки и насекомые вообще даже любовь на лету творят. Пошли дожди и грозы. Начался сенокос под музыку дождей. Все идет своим порядком. Нашел я и здесь шапку-невидимку. Будет ли с ней лучше, не знаю. Лежат на столе маленькие пайки хлеба. Спят под дождик, уставшие вчера на полке ребята. Начинает шуметь самовар. За окном чирикает недовольный воробей: не любит он дождливую погоду. Впрочем, даст Бог день будет и пища какая-нибудь. Живем же как то?! Хуже было – жили, а так еще можно жить» [от 8 июля 1937 г.]. Есть в этих строчках только один образ, интерпретация которого не кажется в полной мере ясной: это образ «шапки-невидимки». Что думал Аржиловский в тот момент? Возможно, о членах семьи, которые спят спокойно рядом и сердечная связь с которыми (при всех текущих проблемах) хранит его от бессмысленности, или о природе и еде, которые даются человеку как утешение, или о спасительной силе слова, которое помогает принимать все невзгоды терпеливо и мудро.

Личные записки человека могут стать основанием для смертного приговора – факт, с которым сталкиваешься не каждый день, даже если речь идет о записках, датированных двадцатыми или тридцатыми годами прошлого столетия. Андрей Степанович Аржиловский, уроженец деревни Зырянка Тюменского района, между арестами и приговорами проживавший в Тюмени, на протяжении всей жизни вел дневниковые записи, которые периодически изымались и попадали в хранилища НКВД, был расстрелян 8 сентября 1937 года. Весомым аргументом обвинения стали дневники. В старых амбарных тетрадах некоторые фрагменты дневника Аржиловского подчеркнуты – это основания для расстрела, с которыми не поспоришь. Здесь и критика советского режима, и сарказм умного человека, и честность, с которой способен писать не каждый, живущий в СССР.

Именно верность исторической памяти в некоторой степени стала раздражающим фактором в процессе чтения дневников Аржиловского следователями по делу в 1937 году, которое, наверное, и при другом раскладе могло закончиться расстрелом, но, кажется, у молчаливого человека, не способного к писательству, было в тот момент больше шансов на выживание. Приверженность исторической правде помогает жить и становится фактором гибели – парадокс, который открывает перспективу размышлений о человеке, не способном вписаться в матрицу, предложенную системой, и о феномене памяти, которая соединяет времена и разлучает людей. Важным является и то, что знакомство с эго-документами, подобными дневнику Андрея Аржиловского, избавляет от представления о том, что в далекие времена у людей, живущих в России, были иные заботы, отличные от наших, что историческая память – это в большей степени забота современных историков, а обычные люди живут в инновационном настоящем.

Разумеется, наша реальность не становится прочнее от размышлений о том, как трудно жить человеку в нестабильном мире, как сложно приспособливаться к идеологическим матрицам, которые периодически меняются; но избавление от иллюзий относительно того, что далекое прошлое осталось в прошлом, делает нас спокойнее и мудрее, возвращает к традициям сокровенного письма, к документам, написанным много лет назад, которые помогают нам сегодня объяснять некоторые универсалии российской жизни и не сомневаться в ценности конкретных личных историй.

Список литературы

1. Суринов В.М. Историческая память народа: Сельское хозяйство Зауралья в образах и мыслях сибирского крестьянина. – Тюмень, 1990. – 40 с.
2. Долгушина Е.И., Никулина Н.А., Темплинг В.Я. Андрей Аржиловский: Голос из прошлого // Большое городище: Тюмен. краевед. ежегодн. – 2018. – № 4/5 (37–38). – С. 192–204.

3. Петрушин А.А. «Мои убеждения остались только при мне...» (из дневника спецпереселенца 1936–1937 гг.) // Тюмен. комсомолец. – 1989. – № 75 (25 июня). – С. 1–2; № 77 (28 июня). – С. 2.
4. Аржиловский А.С. Дневник 36-37-го годов / публ. К. Лагунов // Урал. – 1992. – № 3. – С. 138–160.
5. Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*. Ed. Garros Veronique, Korenevskaya Natalia and Lahusen Thomas. Trans. Carol A. Flath. – New York: New Press, 1995. – P. 111–165.
6. Петрушин А.А. «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 304 с.
7. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917–май 1921 г.): сб. документов / сост. В.И. Шишкин. – Изд. 2-е, расшир. и доп. – Новосибирск: Автограф, 2015. – 421 с.
8. Аржиловский А. Голос бывшего человека // Большое городище: Тюмен. краевед. ежегодн. – 2018. – № 4/5 (37–38). – С. 205–216.
9. Аржиловский А. Дневник // Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 4048. Оп. 1. Д. 2. Л. 16 – 52об.
10. Паперно И. Сны сталинизма (сон как источник для истории сталинизма) [Электронный ресурс] // НЛО. – 2012. – № 116. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> (дата обращения: 12.02.2018).
11. Быкова С.И. Дневники 1930-х годов: TERRA SOVIETICA INCOGNITA // История в эго-документах: Исследования и источники. – Екатеринбург: Изд-во АсПУр, 2014. – С. 117–138.
12. Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. – М.: НЛО, 2017. – 424 с.
13. Никулина Н.А., Темплинг В.Я. Тантамарески советской формации из дневника молодого тюменца 1930 года // Сибирские исторические исследования. – 2019. – № 2. – С. 161–178. DOI: 10.17223/2312461X/24/9
14. Чертищев С.Г. Дневник // Большое городище: Тюмен. краевед. ежегодник. – 2019. – № 4/5 (37–38). – С. 305–381.
15. Лейбович О.Л. «Недурно бы получить сколько-нибудь премии...» Советский рабочий наедине с дневником (1941–1955) // ШАГИ-STEPS. – 2017. – № 1. – С. 114–135.
16. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. – 2009. – № 100. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (дата обращения: 12.02.2018).
17. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. – М.: Новое лит. обозрение, 2016. – 328 с.

References

1. Surinov V.M. Istoricheskaya pamiat' naroda: Sel'skoe khoziaistvo Zaural'ia v obrazakh i myslakh sibirskogo krest'ianina [Historical memory of the people: agriculture of the Trans-Urals in the images and thoughts of the Siberian peasant]. Tyumen', 1990, 40 p.
2. Dolgushina E.I., Nikulina N.A., Templing V.Ia. Andrei Arzhilovskii: Golos iz proshlogo [Andrei Arzhilovskii: a voice from the past]. *Bol'shoe gorodishche: Tiimenskii kraevedcheskii ezhegodnik*, 2018, no. 4/5 (37–38), pp. 192–204.
3. Petrushin A.A. «Moi ubezhdeniia ostalis' tol'ko pri mne...» (iz dnevnika spetspereselentca 1936–1937 gg.) ["My beliefs remained only with me... "(from the diary of the special settlers 1936–1937.]. *Tiimenskii komsomolets*, 1989, no. 75 (25 iunia), pp. 1–2; no. 77 (28 iunia), 2 p.
4. Arzhilovskii A.S. Dnevnik 36-37-go godov [Diary 36-37 th years]. *Ural*, 1992, no. 3, pp. 138–160.

5. Diary of Andrei Stepanovich Arzhilovsky // *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s*. Eds. Garros Veronique, Korenevskaya Natalia and Lahusen Thomas. New York, New Press, 1995, pp. 111-165.
6. Petrushin A.A. «My ne znaem poshshady...»: Izvestnye, maloizvestnye i neizvestnye sobytiia iz istorii Tiimenskogo kraia po materialam VChK – GPU – NKVD – KGB [“We have no mercy...”: Known, little-known and unknown events from the history of the Tyumen region on the materials of the VChK-GPU-NKVD-KGB]. Tiumen', Izdatel'stvo Ju. Mandriki, 1999, 304 p.
7. Pis'ma vo vlast' v epokhu revoliucii i grazhdanskoi voiny (mart 1917 – mai 1921 g.) [Letters to power in the era of revolution and civil war (March 1917-may 1921)]. Sbornik dokumentov. Ed. Shishkin V.I. Novosibirsk, Avtograf, 2015, 421 p.
8. Arzhilovskii A. Golos byvshego cheloveka [The voice of a former man]. *Bol'shoe gorodishshe: Tiimenskii kraevedcheskii ezhegodnik*, 2018, no. 4/5 (37–38), pp. 205–216.
9. Arzhilovskii A. Dnevnik [Diary]. *GASPI TO (Gosudarstvennyi arkhiv sozial'no-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti)*, f. 4048, op. 1, d. 2, l. 16–52ob.
10. Paperno I. Sny stalinizma (son kak istochnik dlia istorii stalinizma) [Dreams of Stalinism (dream as a source for the history of Stalinism)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2012, no. 116, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/p18.html> (accessed 12 February 2018).
11. Bykova S.I. Dnevniky 1930-kh godov: TERRA SOVIETICA INCOGNITA [Diaries of the 1930-ies: TERRA INCOGNITA SOVIETICA]. *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniia i istochniki*. Ekaterinburg, Assotciatcia Pisatelei Urala, 2014, pp. 117–138.
12. Khell'bek I. Revoliutsiia ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoi epokhi [The first-person revolution: the diaries of the Stalinist era]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 424 p.
13. Nikulina N.A., Templing V.Ja. Tantamareski sovetskoi formatcii iz dnevnika molodogo tiumentca 1930 goda [Soviet photo stand-ins as reflected in the travel journal of a young tyumen resident]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2019, no. 2, pp. 161–178. DOI: 10.17223/2312461X/24/9
14. Chertischev S. Dnevnik 1930 g. [Diary 1930]. *Bol'shoe gorodishshe: Tiimenskii kraevedcheskii ezhegodnik*, 2018, no. 4/5 (37–38), pp. 306–381.
15. Leibovich O.L. «Nedurno by poluchit' skol'ko-nibud' premii...» Sovetskii rabochii naedine s dnevníkom (1941–1955) [‘Getting some bonuses would not hurt...’ A Soviet worker keeps a diary, 1941–1955], *ShAGI-STEPS*, 2017, no. 1, pp. 114–135.
16. Lipovetskii M. Triksler i «zakrytoe obshchestvo» [The trickster and ‘closed society’]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 100, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (accessed 12 February 2018).
17. Etkind A. Krivoe gore: Pamiat' o nepogrebennykh [Warped mourning. Stories of the undead in the land unburied]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 328 p.